УДК 94(470)»19+94(479.25)
DOI 10.37493/2409-1030.2021.3.2

К. Р. Амбарцумян

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС В СОВЕТСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1921 ГОДУ[1]

В статье автор обращается к проблеме развития советско-турецких отношений в связи с советизацией Армении и попытками большевиком урегулирования территориальных проблем на бывших имперских окраинах. Исторически Россия и Турция являются соперниками и Кавказ всегда был ареной активного противостояния. В данном исследовании автор наглядно показала, что даже в 1921 г. в связи с подписанием Московского договора «О дружбе и братстве» противостояние перешло в новую плоскость и было не таким открытым как ранее. Неразрешенность армянского вопроса стала одним из препятствий для полного включения Закавказья в сферу влияния большевиков. Кемалистское и большевистское правительства не могли приступить к полноценному государственному строительству не разрешив конфликты на национальных окраинах. В армянском вопросе Советская Россия оказалась более уступчивой, нежели в других кавказских противоречиях. Важно было сохранить влияние в советском Азербайджане, укрепиться в Грузии и не уступить Батум Турции. С другой стороны, Турция отказалась от реализации Александропольского договора, так как нуждалась в российской помощи в борьбе за независимость.

Новизной исследования стало изучение армянского вопроса в советско-турецких отношениях в международном и региональном контекстах внешней политики обоих государств. Автором были введены в научный оборот архивные документы Архива внешней политики Российской Федерации и Российского архива социально-политической истории. На неопубликованном материале показано дипломатическое закулисье, которое сопровождало внешне мирное взаимодействие Турции и РСФСР. Впервые последовательно изучен ход событий 1921 г., который стал переломным в разрешении армянского вопроса. Армения, оказавшись объектом соперничества двух довольно молодых государств с неустойчивой позицией, потеряла ряд территорий и шансы на восстановление в границах, определенных Севрским договором. Данный исход оказался возможен еще и в связи с позицией ведущих мировых держав, которые фактически отказались от всего Кавказа как сферы влияния и были увлечены разрешением других проблем послевоенного мира.

Ключевые слова: армянский вопрос, Московский договор 1921 г., Карсский договор, советизация, международные отношения.

Karine Ambartsumyan

ARMENIAN ISSUE IN SOVIET-TURKISH RELATIONS IN 1921

The article studies Soviet and Turkish approaches to Armenia and its territorial problems after Sovietization of the republic. Traditionally Russia and Turkey were adversaries and the Caucasus was the main area of their active rivalry. The research shows that Moscow Treaty on Friendship and Brotherhood signed in 1921 was as not the final point of geopolitical contest. It proceeded after the treaty but was not as apparent as in the past. The unsolved Armenian issue became one of the obstacles to the full inclusion of the Transcaucasia into the Bolsheviks sphere of power. The Kemal and Bolshevik governments weren't able to begin state building without getting over conflicts in the national peripheries. In the Armenian question, Soviet Russia turned out to be more compliant than in other Caucasian contradictions. It was important to maintain influence in Soviet Azerbaijan, to gain a foothold in Georgia and not to cede Batum to Turkey. On the other hand, Turkey refused to implement the Treaty of Alexandropol, as it needed Russian assistance in the struggle for independence.

The novelty of the research lies in the study of Armenian issue as a part of Soviet and Turkey within international and regional framework of both governments policy. The author introduced into scientific use the archival documents of the Foreign Policy Archive of the Russian Federation and the Russian Archive of Social and Political History. The unpublished material shows the diplomatic backstage that accompanied the seemingly peaceful interaction between Turkey and Soviet Russia. First, the order of events in 1921 was studied consistently, which became a turning point in the solution of the Armenian question. Armenia, having found itself an object of rivalry between two quite young states with an unstable position, lost a number of territories and the chances for restoration within the boundaries defined by the Treaty of Sevres. The denouement was also possible in connection with the position of the leading world powers, which actually left the Caucasus as a sphere of influence and were keen on resolving other problems of the post-war world.

Key words: Armenian question, Moscow Treaty of 1921, Treaty of Kars, Sovietization, international relations.

Раннесоветская история остается одним из востребованных направлений современной истории. Особенно остро стоит вопрос о внешней политике тех лет, тогда как международный контекст советской истории носил сложный характер.

Укрепление большевистской власти внутри страны во многом зависело от налаживания отношений с окружающим миром и, конечно, с ближайшими соседями, к коим относилась Турция. Как большевистская Россия, так и кемалистская

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-59-05002 Арм_а

Турция оказались политически изолированными от мирового сообщества и пребывали в состоянии внутренней революционной борьбы. После подписания Мудросского перемирия в 1918 г. державы-победительницы приступили к фактическому разделу бывшей Османской империи. В 1920 г. был оккупирован Константинополь, затем военные действия против Турецкого государства при поддержке Великобритании начала Греция. В августе 1920 г. Антанта и константинопольское правительство подписали Севрский договор, среди условий которого было присоединение Западной Армении к Республике Армения. В это время в Турции создавалось национально-освободительного движения под руководством генерала Мустафы Кемаля-паши. В Анатолии в Ангоре (Анкаре) в 1920 г. было открыто Великое национальное собрание Турции (ВНСТ), образовавшее национальное правительство. Новая турецкая власть, равно как и большевистская в России, не признавались международным сообществом. Таким образом, традиционные геополитические соперники оказались союзниками поневоле.

В историографии советско-турецкие отношения освещены как советскими учеными, так и современными исследователями. Наиболее полной работой по восточной политике большевиков является монография А.Н. Хейфеца [21], в которой трудности достижения компромиссов между большевиками и кемалистами объяснялись происками «империалистов». Что касается Кавказа, то ситуация вокруг армянских территорий и порта Батума, освещены историком критически, он негативно оценивает политику Ангоры и турецкого командования. Что касается самой категории «армянский вопрос» применительно к данному периоду, удачную формулировку предложила российская исследовательница Н. Е. Шутова, которая под ним понимает борьбу армянского народа за сохранение национальной самобытности, проживание на исторической территории и создание на ней собственной государственности. При этом армянский вопрос прочно вписан в международный контекст, так как ход борьбы и ее результативность определялась главным образом политикой России и Турции в Закавказье [22]. Интересы Турции в Армении после ее советизации Н.Е. Шутова определяет, как захватнические. Турецкий исследователь М. Озтюрк, напротив, утверждает, что Анкара советизацию Закавказья принимала, но при условии того, что большевизм не пересечет границ Анатолии [14]. Если А. Н. Хейфец рассматривает Московский и Карсский договоры, как дипломатическую победу, то для современной историографии эти соглашения далеко неоднозначны. Есаян Н. К. расценивает их как уступку, сделанную советским правительством и фактическое выполнение ряда положений Брестского договора [8]. Историк П. В. Густерин рассматривает данные договоры, как целесообразный с точки зрения восточной политики РСФСР, кроме того он полагает, что они учитывали реальное положение дел на Кавказе [7].

Целью данной статьи является изучение армянского вопроса в советско-турецких отношениях в 1921 г., когда советизация Кавказа становилась реальностью и процесс возвращения региона Россией являлся делом ближайшего будущего. Представляется целесообразным рассмотреть, как региональный, так и международный контекст заключения Московского и Карсского договоров, приведших к утрате Арменией своих исторических территорий.

4 декабря 1920 г. было обнародовано заявление наркома по делам национальностей И. В. Сталина об установлении советской власти в Армении [9]. Однако армянский вопрос в советско-турецких отношениях нельзя считать полностью урегулированным только в связи с завершением процесса советизации. Территориальные споры на армяно-турецкой границе по-прежнему оставались неурегулированными. 2 декабря 1921 г. дашнакское правительство подписало Александропольский договор, согласно которому Шарур, Шахтахты, Нахичевань отдавались под турецкий протекторат. Далее планировалось проведение референдума, в рамках которого население определило бы свое будущее. Свержение дашнакского правительства и стремительное провозглашение советской власти ставили под сомнение легитимность Александропольского договора, большевики отказались его признавать. Когда с дашнаками представитель РСФСР Б.В. Легран подписал соглашение об объявлении Армении Социалистической Советской Республикой, официально власть в республике перешла к Военно-революционному комитету. Согласно соглашению, территория Армении определялась следующими границами: Эриванская губерния, часть Карсской области, Зангезурский уезд, часть Казахского уезда и те части Тифлисской губернии, которые находились во владении Армении до 28 сентября 1920 г. [10]. В июле 1921 г. было заключено соглашение с Азербайджаном о Нагорном Карабахе, который включался в состав Советской Армении [2, с.732]. 4 июля состоялось заседание Пленума Кавбюро, на котором обсуждался вопрос Карабаха. Орджоникидзе, Мясников, Фигатнер, Киров, Назаретян образовали большинство, проголосовавшее за оставление Нагорного Карабаха в составе Армени и проведении референдума средина армянского и мусульманского населения. Однако, уже 5 июля было принято решение об включении Карабаха в состав Азербайджана в качестве автономии и никакого плебесцита уже не предусматривалось [12, с.649 – 650]. Если о Нахичевани договаривались в рамках Московского и Карсского соглашений, то Карабах ни в одном из документов не упоминался.

Официальное провозглашение советской власти не означало завершение фактической советизации Армении. В феврале 1921 поднялось антисоветское восстание, только 2 апреля 1921 г. была отбита у дашнаков Эривань, а оставшиеся силы сосредоточились в Зангезуре. 12 июля части Красной армии вытеснили их на территорию Персии. Данный акт заставлял опасаться реставрации прежней власти в уже советизированной республике и еще больше консолидироваться с Турцией.

В Москве Наркомат иностранных дел (НКИД) и его глава Г.В. Чичерин рассчитывал на легкое урегулирование турецко-армянских отношений. Инструктируя члена Кавбюро Г.К. Орджоникидзе, он просил подтолкнуть Армению сделать первый шаг и пригласить турецкую делегацию на закавказскую конференцию. В начале 1921 г., когда турецкие представители вели переговоры с большевиками в Москве, Г.В. Чичерин настаивал на обращении армянского правительства с нотой к одному из участников Юсуфу Кемалю с тем, чтобы начать переговоры с последующим заключением договора [4, л.61]. Турция, имея сложные отношения с Арменией, даже в лице новой кемалисткой власти по-восточному требовала повиновения и дипломатических шагов навстречу первой делать не желала. НКИД РСФСР и Кавбюро фактически становились посредниками между этими государствами. Понимая всю глубину противоречий, большевики форсировали достижение любой, даже декоративной, договоренности, чтобы повысить престиж советской власти и в Армении, и в Закавказье, в целом.

Первоначально Г.В. Чичерин перед Кавбюро ставил задачу подчеркивать дружелюбное отношение к туркам, но не идти на уступки во всем и не поддаваться на шантаж. Наоборот, он призывал торговаться: «Надо им выяснить, что у нас вовсе нет какой-то особой слабости к армянам… Сам факт советизации Армении имеет для нас серьезные политические последствия, ибо престиж советской власти не позволяет нам бросить на произвол судьбы братскую советскую республику» [4, л.14]. Реальность сильно отличалась от ожиданий советского наркома, так как конфликт между Арменией и Турцией был намного острее и противоречия глубже, нежели их представляли в Москве. Турецкое военное присутствие в Армении не устраивало Кавбюро. Г.К. Орджоникидзе полагал, что развитие успехов кемалистами может свести на нет советизацию и препятствовать дальнейшему продвижение Красной Армии в Закавказье: «Армянский вопрос является самым больным местом турецкой политики. Турки живут успехами в Армении. Многолетняя ненависть к армянам несмотря на некоторые старания со стороны высшего командования не в состоянии предотвратить те эксцессы, которые очень сильно преувеличиваются и раздуваются тов<арищами> армянами» [20, л.3]. В феврале 1921 г. когда турецкая делегация находилась в Москве, советское правительство и Кавбюро были одержимы одной целью – любой ценой довести дело до подписания российско-турецкого соглашения. Так как Г. К. Орджоникидзе работал непосредственно в регионе и видел реальную ситуацию, он призывал подписать любой договор «чисто агитационного характера», дабы Ангора не переметнулась на сторону Антанты. Зная настроение турецкого командования, он еще на стадии советско-турецких переговоров предупреждал о целесообразности отстаивать Александрополь, тогда как отстаивать Карс смысла не было [20, л.8 – 10].

Традиционное российско-турецкое соперничество за Кавказ никуда не ушло, но оно имело завуалированный характер, так как на конфронтацию кемалисткая Турция и Советская Россия тогда не были способны. Иллюзий относительно прочности дружбы с Анкарой не было, и опасения по поводу стабильной позиции кемалистов открыто высказывались большевиками. В частности, о возможном «правом уклоне» правительства М. Кемаля высказывал нарком по делам национальностей И. В. Сталин: «Борьба кемалистов с Антантой и усилившееся на этой почве брожение в колониях Англии, с одной стороны, разгром Врангеля и падение Венизелоса в Греции — с другой, заставили Антанту значительно смягчить свою политику в отношении кемалистов. Разгром Армении кемалистами при абсолютном «нейтралитете» Антанты, слухи о предполагающемся возвращении Турции Фракии и Смирны, слухи о переговорах между кемалистами и султаном, агентом Антанты, и о предполагающемся очищении Константинополя, наконец, затишье на Западном фронте Турции, – всё это симптомы, говорящие о серьёзном заигрывании Антанты с кемалистами и о некотором, пожалуй, сдвиге позиции кемалистов вправо» [15].

Несмотря на настороженное отношение, необходимость поддерживать благоприятные отношения и для Турции, и для Советской России была очевидна. Оба государства были фактически непризнанными и имели статус своего рода изгоев в международном сообществе. Ведущие державы не признавали ни кемалистского, ни большевистского правительств, что неизбежно толкало два молодых и неокрепших правительства навстречу друг другу. Для большевиков добрососедские отношения с Турцией позволяли контролировать традиционного соперника и упрочить свои позиции на Кавказе. Правительство М. Кемаля в свою очередь нуждалось в советской помощи деньгами и оружием. Все силы Ангоры были направлены на борьбу за независимость и сохранение целостности Турции, поэтому потребности в средствах были огромными. Греческая армия

успешно наступала в сторону Ангоры, продвижение было успешным и в конце августа – начале сентября 1921 г. бои шли уже непосредственно у города. Только к 18 сентября 1922 г. была освобождена Анатолия. В этой связи помощь большевиков была важным подспорьем в этой борьбе и заставляла считаться с Россией. Москва всячески стремилась удерживать Ангорское правительство на своей стороне, поэтому снабжая его деньгами и оружием отчасти покупала союзника. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин прямо указывал И. В. Сталину на необходимость продолжения данной политики, так как сближение с турками было бессмысленным и бесперспективным, если не оказывать ощутимой помощи: «Если им не помочь, они могут фактически увидеть себя вынужденными изменить свою политику» [6, с.192].

Успехи дашнакских сил в Эривани, осложняли задачи советской власти в деле определения границ с Турцией. Первоначально речь шла об участии представителей Армянской АССР в работе конференции, но после захвата власти в Эривани представитель дашнакского правительства С. Врацян заявил по радио, что нарком иностранных дел А. Бекзадян не является уполномоченным представителем Армении. В свою очередь турки заявили, что не будут вести переговоры с Арменией. Таким образом конференция в Москве была сведена к формату российско-турецких переговоров [21, с.92–94].

16 марта 1921 г. в Москве Г. В. Чичерин и турецкий министр иностранных дел Юсуф Кемаль подписали долгожданный договор. Большевики пошли на следующие территориальные уступки: Карс, Ардаган, Артвин отходили Турции, Батум[1] – к Грузии, Нахичевань в качестве автономной области передавалась под протекторат Азербайджана. Относительно Нахичевани Чичерин планировал формальную передачу, а фактически она должна была остаться под контролем Красной армии [3, л. 4]. Достижение компромисса не было полным и для большевиков не означало установления полного контроля над Закавказьем, в том числе и над Батумом, который турецкий командующий Восточным фронтом Кязым Карабекир не спешил уступать Красной армии. Он утверждал, что порт когда-то принадлежал Турции и теперь он справедливо возвращен ей грузинскими меньшевиками [5, с.32].

В момент самой конференции в Москве гораздо более болезненным вопросом для большевиков, чем армянский, был Батум. Кемалисты активно на него претендовали, большевики ни при каких условиях отдать город не могли, так как дальше открывался путь по железной дороге на Баку. Утрата Батума наносила бы серьезный удар по нефтяной отрасли и по ее экспортным возможностям. 17 марта 1921 г. Кязим Карабекир провозгласил себя генерал-губернатором Батума и издал указ о его присоединении к Турции. Командующий турецкой армии воспользовался заминкой, пока происходило падение грузинских меньшевиков, и решил захватить жизненно важный для всего Кавказа порт.

Советско-турецкие переговоры в Москве осложнялись не только наличием неразрешенных территориальных споров в Закавказье, но и плохо налаженными коммуникациями. И большевистская, и кемалистская стороны были как власть молоды и пока непрочно стояли у руля. Например, турецкая делегация в Москве постоянно испытывала трудности в сношениях с Ангорой и с Кязым Карабекиром. Вскоре после подписания Московского договора, народный комиссар иностранных дел Турции Ахмед Мухтар, вернее временно исполняющий обязанности в связи с отъездом Бекира Сами Кундуха на Лондонскую конференцию, возражал против очищения турками Александрополя, Ахалциха, Ахалкалаки и Батума. В своей телеграмме на имя Г.В. Чичерина он требовал освободить эти территории от частей Красной армии. Однако 19 марта 1921 г. дивизия под командованием Д. П. Жлобы вступила в Батум. В это же время Г. К. Орджоникидзе приказал временно приостановить отправку оружия в Турцию. И уже 22 марта 1921 г. Карабекир начал эвакуацию турецких частей. Кавказские события периода московских переговоров определили расстановку приоритетов, Батум был гораздо более значим с точки зрения экономики и геополитики, чем армянские территории, частью которых можно было пожертвовать.

С делегацией Турции в Москву прибыл азербайджанский политик Бехбуд Шахтахтинский, который информировал Ахмед Мухтара о подписании договора и об определении границ на Кавказе, что и вызвало резкие возражения: «Мы утверждаем, что известие об очищении нами Александрополя совершенно ложно, равно как и известие о нашем соглашении с грузинами и дашнакцаканами. Что же касается договора, заключенного нашими делегатами в Москве, мы об его существовании ровно ничего не знаем, так как не получали никаких телеграмм от нашей делегации» [19, л.7]. Возможно действительно телеграммы доставлялись с опозданием, поэтому Ангора, делегация в Москве и Кязым Карабекир не успевали согласовать свои действия. Однако, можно и предположить, что так как Бекир Сами Кундух находился на конференции с европейскими державами в Лондоне, более того, султанский представитель Тевфик-Паша признал за ангорской делегаций право представлять всю Турцию, то отступление с Кавказа можно было затягивать на фоне данного успеха и надеяться на договоренность с Францией и Великобританией.

1 Турции предоставлялось право свободного транзита товаров через Батумский порт.

Лондонская конференция показала, что Севрский мир Антанта пересматривать не намерена. Бекир Сами возложенных надежд не оправдал, достигнутые договоренности не устроили М. Кемаля. Например, в соглашении с англичанами не все турецкие пленные подлежали обмену. Те, которые обвинялись в жестоком обращении с армянами и пленными англичанами домой не возвращались. Французам обещались концессии и сохранение их жандармерий в оккупированных районах. Такого рода уступки ради мира любой ценой Кемаля не устроили [11, с.14 – 16]. Поэтому ставки на союз с большевиками только усилились, и поэтому конференция в Москве завершилась договором.

В армянском вопросе Советская Россия не действовала решительно еще и потому, что были непредсказуемы турецко-грузинские отношения. Представитель РСФСР в Турции Б. Мдивани телеграфируя Г.К. Орджоникидзе и Г.В. Чичерину незадолго до подписания Московского договора в феврале 1921 г. предупреждал: «События в Грузии развили аппетиты Ангорского правительства. По всем данным оно не ограничится Ардаганом и Картвином, о чем я сообщал Вам вчера, а будут стремится занять Батум. Подозрительны также отношения турок к перевороту в Армении, заметна тенденция уговориться и поддержать всплывшее Дашнакское правительство в расчете легче сломать Армению при Дашнаках, чем Советскую при поддержке России. В правительственных сферах ставится вопрос захочет ли Россия снова советизировать Армению находя этакое желание большой ошибкой» [18, л.2].

Г. В. Чичерин продолжал настаивать на необходимости первого шага со стороны Армении, о чем писал представителю РСФСР в советской Армении Б. В. Леграну даже в августе 1921 г.: «Юсуф Кемаль ожидает, чтобы Армения первая высказалась о своем желании участвовать в конференции Турции с кавказскими республиками. Еще в период наших московских переговоров Турция считала Александропольский договор оставшимся в силе и после его отмены посредством нашего договора он в отношениях между Турцией и армянами ничем не был заменен» [4, л.66].

Послом Турции в Москве был назначен Али Фуад-паша, полпредом в Турцию от РСФСР был направлен С. П. Нацаренус. Далее началась дипломатическая борьба вокруг выполнения статей Московского договора. Однако, турецкая армия, несмотря на достигнутые договоренности и подписанный договор, покидать Закавказье отказывалась. Выше были описаны перипетии с Батумом, который Карабекир не желал оставлять.

Али Фуад в ноте Г. В. Чичерину подчеркивал, что военные силы Турции ставили своей целью служить элементом равновесия. В то время как советская власть считала Александропольский договор недействительным, турецкий посол ссылался именно на него, когда речь шла об оккупации Армении. Кемалисты заявляли, что освободят армянскую территорию только в случае введения в действие Александропольского договора. Данное положение было заложено в самом договоре, учитывая кабальность его статей, их соблюдение продлевало пребывание турок в Армении до бесконечности. По договору помимо территориальных потерь, предусматривалась утрата Арменией фактического суверенитета. Например, Турция получала право контролировать железные дороги, армянские представители отзывались из стран Европы. Учитывая провозглашение советской власти, возникал конфликт российских и турецких интересов, так как реализация договора сводила на нет все усилия большевиков и отдавала Армению Турции.

Настойчивость кемалистов расценивалась НКИД РСФСР как попытка аннулировать Московский договор [13]. Позиция турок была довольно уклончивой, так Али Фуад в одной из нот писал о возможности отхода турецких войск в случае прихода к власти в Эривани «подлинно Советского Армянского Правительства» [13, с. 53]. Ангора, посол в Москве и Кязым Карабекир всячески затягивали время отхода, последний занимал наиболее твердую позицию и не давал команды отступления. Ангора и турецкое посольство в Москве отвечали уклончиво, ссылаясь то на плохо налаженную связь, то на самодеятельность Карабекира. Ахмед Мухтар продолжал отправлять ноты в НКИД РСФСР, в которых не было четких сроков выхода турецких войск из Александрополя. Тогда решительность проявил Г.К. Орджоникидзе, 11 апреля 1921 г. он снова потребовал прекратить поставки боеприпасов и золота в Турцию. Вслед за ним командующий XI армией А. И. Геккер пригрозил Каребекиру вводом красных частей в оккупированный турками районы Армении. А.И. Геккер, докладывая Г.В. Чичерину о ситуации на месте давал неприглядную характеристику действиям турецкой армии: «Турецкое командование требует от дашнаков большевиков. Турецкое командование приказало снять все красные нашивки и если у кого-либо обнаружили, то расстреливали» [2, л. 36].

Турецкие части вынуждены были отступить, но для населения их уход обернулся новой катастрофой. Председатель СНК АрмССР А.Ф. Мясников в записке Г. В. Чичерину описал следующие последствия: «После очищения Александрополя на территории Александропольского района была обнаружена масса трупов вырезанных женщин и детей из ряда армянских сел. Комиссии расследования этого закончили свою работу. Комиссия для погребения в Акбулогском и Джаджурском районах насчитала 12 тысяч 50 трупов, имеется масса трупов молодых девушек и женщин» [2, л.52].

В свете налаживания советско-турецких отношений и того, что в Азербайджане советская власть имела наибольшие успехи, вопрос о спорных территориях решался не в пользу Армении, где сохранялась угроза возвращения дашнаков или их поддержки со стороны Антанты. Кроме того, решения, принимаемые в пользу Азербайджана, повышали престиж советской России в глазах Турции и всего мусульманского Востока, на который в этот период ориентировалась внешняя политика большевиков. Именно на это упирал представитель АССР Б. Шахтахтынский, начиная с 1920 г. Он обращался к Г. В. Чичерину и его заместителю Л. М. Карахану, настаивал на необходимости сохранить за Азербайджаном Закатальский округ[1], Карабах и Нахичеванский край: «Означенные выше территории при Муссаватском Правительстве и всегда составляли его органическую часть…» [1, л. 2]. Большевики, стремясь сохранить Турцию как союзника на Востоке, старались не ущемлять территориальные претензии Азербайджана, поэтому вопрос о Нахичевани был решен не в пользу Армении. Кавбюро имело по этому вопросу свое мнение. Г.К. Орджоникидзе призывал НКИД РСФСР не отдать Нахичевань, Карабах, Зангезур ни Азербайджану, ни Армении, а сохранить их под протекторатом советской оккупационной власти [17, л.18 – 19]. Но в конечном итоге, решение вопроса не зависело ни от местного населения, ни от местных советов.

На Кавказе в это время Армения, с пока еще неустоявшимися границами, активно вовлекалась в орбиту влияния РСФСР. В своем обращении к коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской Республики в апреле 1921 г. В. И. Ленин соединил все советизированные территории в общий ареал доминирования советского влияния. Армения мыслилась как часть общего советского Кавказа, региона на который делалась ставка как на канал налаживания «товарообмена с капиталистическим Западом» [14]. Ставя перед собой столь масштабные задачи, советское руководство закономерно стремилось урегулировать все разногласия по армянскому вопросу. Не имея возможности мирно разрешить все этнотерриториальные конфликты в Закавказье, Москва брала курс на объединение всех республик. Технически этому процессу начало было положено в апреле 1921 г. объединением железных дорог в одну Закавказскую сеть под руководством одного управления, локализованного в Тифлисе. Вся система функционировала по правилам и положениям железных дорог, утвержденных в РСФСР. Структурно Управление было включено в состав Кавказского округа путей сообщения, а отдельные комиссариаты путей сообщения в закавказских республиках ликвидировались [4, л.64]. Сам по себе факт ничего неговорящий, если его не соотнести с определенным контекстом советско-турецких отношений. Примерно в это время еще шли споры по поводу очищения от турецких войск Закавказья, дискуссии о легитимности Александропольского договора и подписании Турцией соглашения с Арменией, Грузией и Азербайджаном. Конкурентное преимущество большевиков сказалось в умении мыслить ситуативно, не дожидаясь окончательного дипломатического урегулирования. Они взялись за установление экономического контроля и налаживание хозяйственной жизни в Закавказье, включая Армению. Прежде чем установить контроль «сверху», большевики закреплялись «снизу».

По мере укрепления советской власти принадлежность тех или иных территорий какой-либо закавказской республике имела второстепенное значение, так как Кавказ должен был вернуться целиком с его ресурсами и инфраструктурой в состав российской государственности. Переговоры о заключении тремя закавказскими республиками договора с Турцией по модели Московского были еще в разгаре, и в это же время НКИД РСФСР инициировал экономическую интеграцию. Так, 2 июня 1921 г. Грузия, Армения и Азербайджан заключили договор об объединенном Внешторге [10, с.732]. Следующим шагом по закреплению пока экономического, но не дипломатического успеха, накануне Карсского договора стало соглашение между РСФСР и советской Арменией по финансовым вопросам, подписанное 30 сентября 1921 г. В результате проводимой политики и подписанных соглашений все три республики Закавказья лишились права на внешнеэкономическую деятельность, даже торговые договоры или о предоставлении концессий могли быть подписаны после согласования с РСФСР.

Дальнейшие действия НКИД РСФСР были направлены на форсирование процесса подписания договоров Турции с Арменией, Азербайджаном и Грузией. В их основе предположительно должен был лежать Московский договор. Договор с Арменией был первоочередной задачей, так как нужно было дезавуировать Александропольский договор, который турецкую сторону устраивал, но не мог быть принят большевиками.

По сведениям Б.В. Леграна поведение турок на Кавказе непредсказуемо, и перспективы подписания договора с тремя закавказскими республиками весьма туманны. В июне 1921 г. он докладывал Г.В. Чичерину о попытках турок влиять на Азербайджан и их недовольстве зависимостью республики от РСФСР. Так же из наблюдений Б. В. Леграна следовало, что турецкие представители по пути в Москву на переговоры встречались членами партии «Иттихат», боровшейся против большевиков. Кроме того, предпринимались попытки «расшатывания престижа советской власти в мусульманских массах» в Аджарии [3, л.29 об – 30].

1 Спорный с Грузией.

26 сентября 1921 г. начала свою работу Карсская конференция. НКИД РСФСР удалось отстоять именно Карс, при том что турецкая сторона предлагала местом встречи Анкару. Однако, к греческая армия к концу августа 1921 г. вплотную подошла к городу, соответственно о проведении конференции здесь речи идти не могло. Главой турецкой делегации был назначен Карабекир. Примечательно, что РСФСР представлял Яков Ганецкий – полномочный представитель советской России в Литве, кандидатуру Б.В. Леграна отклонила турецкая сторона, под предлогом того, что он чрезмерно благоволит к армянам [3, л.55]. Накануне Б.В. Легран был проинструктирован о том, что необходимо информационно поддерживать Ганецкого и предоставлять ему необходимые материалы. В ходе конференции Ганецкий фактически не советовался с Легграном. Кроме двух телеграмм несущественного содержания никаких других сведений он Леграну не предоставил. Армянская ССР была представлена А. Мравяном и П. Макинянцианом, Азербайджан направил Б. Шахтахтынского, Грузия – Ш. Элиаву и А. Сванидзе. В советской историографии ход конференции идеализировался и представлялся как пример единения всех трех республик [См., например: 20, с.164]. Однако, по сведениям Б.В. Леграна, который старался все-таки вникать в ход конференции, каждая из республик перетягивала переговоры в свою сторону. НКИДы отдельных республик ограждали себя от вмешательства российской миссии, в лучшем случае обращались напрямую в Москву, минуя представительство: «Я полагаю, что настало время провести через ЦК РКП постановление, обязывающее Наркоминделы и Центральные Комитеты независимых республик не предпринимать никаких шагов в иностранной политике без предварительного осведомления представительства РСФСР» [3, л.87].

Радикально ничего нового в сравнении с Московским Карсский договор предложить не мог. Турция по-прежнему находилась в трудном военном положении и нуждалась в российской помощи, а советское правительство ставило задачей повысить свой престиж у народов Востока. В этой связи Г.В. Чичерин призывал не давить на Турцию, не пытаться воспользоваться ситуаций и тем самым потерять поддержку всех восточных народов [3, л.56].

13 октября был заключен четырехсторонний договор о дружбе между Армянской, Азербайджанской и Грузинской Советскими Социалистическими Республиками, с одной стороны, и Турцией – с другой. Как и предполагалось, текст повторял Московский договор, и Нахичеванская область оставалась в качества автономии Азербайджану.

Таким образом, советизация Армении не стала последней точкой в урегулировании армянского вопроса в российско-турецких отношениях. Турция упорно не желала сдавать позиций по Александропольскому договору и колебалась, пока окончательно не убедилась в невозможности договориться с Антантой и обойтись без советской помощи. Со своей стороны, большевики, не упрочив позиции в Закавказье, не решались действовать радикально и предпочли пойти на уступки в вопросе армянских территорий, при этом сохранить Батум и не оттолкнуть мусульманское население региона. Кроме того, дружба с Турцией была важна в свете провала большевистской идеи революции в Европе и переориентировки на страны Востока.

Источники и литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф.04. Оп. 51. Папка 321. Д.54859.
2. АВП РФ. Ф. Референтура по Турции. Оп.4. Папка 5. Д.10.
3. АВП РФ. Ф.04. Оп.51. Папка 321 а. Д.54877.
4. АВП РФ. Ф.04. Оп.51. Папка 322. Д.54908.
5. Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата. 1922-1923. М.: Изд-во ИМО, 1960. 222 с.
6. Г. В. Чичерин – И. В. Сталину. 10 марта 1921 г. // Большевистское руководство. Переписка. 1912 – 1927 / сост. А. В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 1996. С.190 – 192.
7. Густерин П.В. Заключение Советско-турецкого договора 1921 года URL: https://proza.ru/2017/04/26/630 (Дата обращения: 21.08.2021).
8. Есаян Н. К. Брестский мир (1918) и его последствия для армянского народа в борьбе за национальное единство: дисс. канд. ист. наук. СПб., 2004. 172 с.
9. Заявление Народного Комиссара по Делам Национальностей о победе Советской власти в Армении // Документы внешней политики СССР. Т.4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С.366 – 367.
10. Из годового отчета Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР к IX Съезду Советов (декабрь 1920 – декабрь 1921 гг.) // Документы внешней политики СССР. Т.4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С.727 – 767.
11. Кемаль М. Путь новой Турции: [В четырех томах]. Т.IV. Победа новой Турции. 1921 – 1927. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 571 с.
12. Нагорный Карабах в 1918–1923 гг.: Сборник документов и материалов / отв. ред. В.А. Микаелян. Ереван: АН Армении, 1992. 756 с.
13. Нота Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Послу Турции в РСФСР Али Фуаду. 8 апреля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С.52 – 53.
14. Обращение В. И. Ленина к коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской Республики. 14 апреля 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С.64 – 66.

15. Озтюрк М. Взаимные сомнения и недоверие между большевиками и кемалистами в период становления советско-турецких отношений в 1920 – 1922 гг. // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. №5 (84). С.181 – 190.
16. Правда. 1920. 30 ноября.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.64. Оп.1. Д.17.
18. РГАСПИ. Ф.85. Оп. С - Турция. Д. 40.
19. РГАСПИ. Ф.85. Оп. С/Турция. Д.79.
20. РГАСПИ. Ф.85. Ф.85. Оп. С/Турция. Д.3.
21. Хейфец А. Н. Советская дипломатия и народы Востока. 1921 – 1927. М.: Наука, 1968. 326 с.
22. Шутова Н. Е. Армянский вопрос в российско-турецких отношениях: 1911 – 1921 гг.: дисс. канд. ист. наук. Владимир, 2006. 197 с.

References

1. Archive of Foreign Policy of Russian Federation (AVP RF). F.04. Inv. 51. Papka 321. D.54859. (In Russian).
2. AVP RF. F. Referentura po Turtsii. Inv.4. Papka 5. D.10. (In Russian).
3. AVP RF. F.04. Inv.51. Papka 321 a. D.54877. (In Russian).
4. AVP RF. F.04. Inv.51. Papka 322. D.54908. (In Russian).
5. Aralov S.I. Vospominaniya sovetskogo diplomata. 1922-1923 (Memoirs of a Soviet diplomat. 1922-1923). Moscow: IMO publ., 1960. 222 p. (In Russian).
6. G.V. Chicherin – I.V. Stalinu. 10 marta 1921 g. (G.V. Chicherin - I.V. Stalin. March 10, 1921) // Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska. 1912 – 1927 / A.V. Kvashonkin, O.V. Khlevnyuk, L.P. Kosheleva, L.A. Rogovaya. Moscow: ROSSPEN publ., 1996. P.190 – 192. (In Russian).
7. Gusterin P.V. Zaklyuchenie Sovetsko-turetskogo dogovora 1921 goda (Conclusion of the Soviet-Turkish Treaty of 1921) URL: https://proza.ru/2017/04/26/630 (Accessed: 21.08.2021). (In Russian).
8. Esayan N.K. Brestskiy mir (1918) i ego posledstviya dlya armyanskogo naroda v bor'be za natsional'noe edinstvo (The Brest treaty (1918) and its consequences for the Armenian people in the struggle for national unity): thesis. St. Petersburg, 2004. 172 p. (In Russian).
9. Zayavlenie Narodnogo Komissara po Delam Natsional'nostey o pobede Sovetskoy vlasti v Armenii (People's Commissar for Nationalities Affairs declaration on the victory of Soviet power in Armenia) // Dokumenty vneshney politiki SSSR. Vol.4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury publ., 1958. P.366 – 367. (In Russian).
10. Iz godovogo otcheta Narodnogo Komissariata Inostrannykh Del RSFSR k IX S»ezdu Sovetov (dekabr' 1920 – dekabr' 1921 gg.) (From the annual report of the People's Commissariat of Foreign Affairs of the RSFSR to the IX Congress of Soviets (December 1920 - December 1921) // Dokumenty vneshney politiki SSSR. Vol.4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958. P.727 – 767. (In Russian).
11. Kemal' M. Put' novoy Turtsii: [V chetyrekh tomakh]. Vol.IV. Pobeda novoy Turtsii. 1921 – 1927 (The Way of the New Turkey: [In four volumes]. T.IV. The victory of the new Turkey. 1921 - 1927). Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1934. 571 p. (In Russian).
12. Nagornyy Karabakh v 1918–1923 gg.: Sbornik dokumentov i materialov (Nagorno-Karabakh in 1918 – 1923: Collection of documents and materials) / ed by. V.A. Mikaelyan. Erevan: Armenian SA publ., 1992. 756 p. (In Russian).
13. Nota Narodnogo Komissara Inostrannykh Del RSFSR Poslu Turtsii v RSFSR Ali Fuadu. 8 aprelya 1921 g. (People's Commissar for Foreign Affairs of the RSFSR note to the Ambassador of Turkey in RSFSR Ali Fuad. April 8, 1921) // Dokumenty vneshney politiki SSSR. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958. P.52 – 53. (In Russian).
14. Obrashchenie V. I. Lenina k kommunistam Azerbaydzhana, Gruzii, Armenii, Dagestana, Gorskoy Respubliki. 14 aprelya 1921 g. (Lenin's appeal to the communists of Azerbaijan, Georgia, Armenia, Dagestan, the Mountain Republic. April 14, 1921) // Dokumenty vneshney politiki SSSR. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958. P.64 – 66. (In Russian).
15. Oztyurk M. Vzaimnye somneniya i nedoverie mezhdu bol'shevikami i kemalistami v period stanovleniya sovetsko-turetskikh otnosheniy v 1920 – 1922 gg. (Mutual doubts and mistrust between the Bolsheviks and the Kemalists during the formation of Soviet-Turkish relations in 1920 – 1922) // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2010. No.5 (84). P.181 – 190. (In Russian).
16. Pravda. 1920. November 30. (In Russian).
17. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F.64. Inv.1. D.17. (In Russian).
18. RGASPI. F.85. Inv.S - Turtsiya. D. 40. (In Russian).
19. RGASPI. F.85. Inv. S/Turtsiya. D.79. (In Russian).
20. RGASPI. F.85. F.85. Inv. S/Turtsiya. D.3. (In Russian).
21. Kheyfets A.N. Sovetskaya diplomatiya i narody Vostoka. 1921 – 1927 (Soviet diplomacy and the peoples of the East. 1921 – 1927). Moscow: Nauka, 1968. 326 p. (In Russian).
22. Shutova N.E. Armyanskiy vopros v rossiysko-turetskikh otnosheniyakh: 1911 – 1921 gg. (The Armenian Question in Russian-Turkish Relations: 1911 - 1921): thesis. Vladimir, 2006. 197 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / karina-best21@mail.ru

Information about the author

Ambartsumyan Karine – PhD in History, Associate Professor, Chair of Foreign History, Political Studies and International Relations, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / karina-best21@mail.ru